

Янь Ци в жизни оказался точно таким же, как на страницах глянцевого журнала или в телеинтервью — суровым, ледяным и до крайности неразговорчивым. Он лениво держал трубку, из которой тонкой, причудливо извивающейся струйкой поднимался сизый дым.

Толстяк Дуань прикрыл рот ладонью и, придвинувшись к самому уху Чжоу Туна, заговорщически прошептал:

— Сяо Тун, тебе не кажется, что этот Янь Ци — вылитый наш математик из средней школы? Такой же душный.

Чжоу Тун промолчал, лишь выразительно приподнял бровь.

Не успел он поздороваться, как хозяин кабинета перехватил инициативу. Отложив трубку в сторону, он негромко произнес:

— Приветствую вас, господин Чжоу.

Каждое слово Янь Ци выговаривал предельно четко, с едва уловимым нажимом. Его манера говорить выдавала привычку вести жесткие переговоры с позиции силы: так истинный хозяин положения отдает приказы подчиненным. Это была тяжелая, давящая аура человека, который много лет безраздельно правил на вершине делового мира города А.

Под подобным давлением редкий собеседник мог сохранить самообладание. И хотя Янь Ци сам нуждался в помощи, он явно решил сначала проверить гостя на прочность, умышленно напустив на себя ледяную деловую строгость.

Чжоу Тун, впрочем, и бровью не повел. Он вежливо, с легкой полуулыбкой кивнул:

— Здравствуйте, господин Янь. Много о вас слышал.

В глубине глаз олигарха мелькнуло мимолетное удивление, которое он тут же скрыл под маской равнодушия. Поведение юноши ему определенно понравилось. Жестом приказав слуге подать чай, он пригласил гостей садиться.

Опустившись в кресло, Чжоу Тун аккуратно выставил изящный футляр перед собой на журнальный столик, даже не сделав попытки забрать его. Янь Ци недовольно нахмурился:

— И как это понимать, господин Чжоу?

— Столь щедрый подарок от вас, господин Янь, не может не смущать, — мягко ответил Чжоу Тун. — Прежде чем принять его, мне хотелось бы узнать, в чем именно заключается моя задача. Я выслушаю вас и лишь тогда решу, по силам ли мне это дело. В противном случае подарок окажется незаслуженным, а я не привык брать плату за несделанную работу.

На суровом лице Янь Ци наконец проступило подобие удовлетворенной улыбки, и напряжение,

висевшее в воздухе, окончательно растаяло.

Истинный характер человека всегда раскрывается в мелочах. Не падок на легкие деньги, не трепещет перед властью — этот парень действительно хорош.

— По правде говоря, этот аукцион был организован по моей личной просьбе к руководству Аукционного дома Сихэ, — признался Янь Ци.

Чжоу Тун вопросительно приподнял брови.

— Для начала взгляните на это. — Олигарх взял со стола планшет, разблокировал экран и протянул его гостю.

Чжоу Тун скользнул взглядом по экрану и замер. Между бровей залегла глубокая складка. Толстяк Дуань из любопытства вытянул шею, заглядывая в планшет через его плечо, и тут же сдавленно пискнул, едва не соскользнув с кожаного дивана.

— Мамочки мои!.. — вырвалось у него.

Вовремя спохватившись, толстяк испуганно зажал рот ладонями и покосился на Янь Ци, боясь гнева влиятельного босса. Но тот даже не взглянул в его сторону — все его внимание было приковано к лицу Чжоу Туна.

На снимках было запечатлено лицо человека, покрытое жуткой темно-багровой, почти синюшной сыпью. Грязно-серые и иссиня-черные разводы расползались по коже неровными пятнами. Но пугало другое: от кадра к кадру эти пятна явно меняли свои очертания и положение. На последней фотографии, от которой и передернуло Дуань Чжэна, они и вовсе уродливо сгруппировались, напоминая глумливую, кривую ухмылку.

Улыбка окончательно сошла с лица Чжоу Туна.

— Похоже на призрачные пятна, — негромко произнес он.

Слова юноши заставили Янь Ци податься вперед. Сдержанность слетела с него в один миг, уступив место отчаянной надежде.

— Значит, вы сталкивались с подобным, Небесный наставник Чжоу? — быстро спросил он. — Что это? Как от этого избавиться?

— Пока не могу сказать наверняка, — отозвался Чжоу Тун. — Мне нужно увидеть больного лично.

Подобная напасть встречалась крайне редко.

Существовала особая разновидность нечисти — так называемая призрачная скорбь, или айгуй. Эти сущности питали непреодолимую тягу к живым людям. Если такому призраку приглянется чья-то жизненная энергия, он привязывается к человеку намертво, тенью следуя по пятам. Жертва айгуй быстро теряет аппетит, чахнет, бледнеет и почему-то начинает испытывать навязчивую страсть к чистоте. Медленно высасывая из человека соки, дух лишает его жизненных сил, превращая в легкую мишень для любых болезней.

Самое опасное начиналось, если от призрачной скорби пытались избавиться дилетантскими, варварскими методами. Оскверненная злобой и запечатанная в теле жертвы посмертная обида твари проступала на коже теми самыми блуждающими «призрачными пятнами».

До этой секунды Янь Ци еще терзали сомнения, не оказался ли Чжоу Тун очередным шарлатаном в красивой обертке, но теперь все они рассеялись без следа. Юноша, несмотря на молодость, явно обладал глубокими познаниями и был настоящим, сильным Небесным наставником.

Олигарх ненадолго задумался, взвешивая каждое слово.

— У меня есть внук, — медленно произнес он. — Мы тщательно оберегаем его от прессы и широкой публики, но слухи о его существовании, полагаю, до вас доходили.

Чжоу Тун кивнул.

Об этом действительно знали многие. Единственный сын Янь Ци погиб в автокатастрофе в самом расцвете сил, оставив после себя лишь новорожденного ребенка. Олигарх души не чаял в сироте, скрывая его от назойливых папарацци так надежно, что ни одно издательство за семнадцать лет не смогло добыть даже крупицы информации о мальчике. И все же сам факт его существования оставался секретом полишинеля.

Похоже, именно этот наследник и пал жертвой призрачной скорби.

— Тело моего внука, Янь Хая, сейчас покрыто этими пятнами, — глухо закончил Янь Ци.

— Сколько ему лет? — спросил Чжоу Тун.

— Семнадцать.

— Самый лакомый возраст для призрачной скорби, — помрачнел юноша. Немного подумав, он спросил: — Могу я осмотреть его?

— Разумеется, но только не сегодня, — со вздохом ответил олигарх. — Сейчас за ним присматривает бабушка. Моя супруга категорически не верит в мистику и настаивает исключительно на научных методах лечения.

Чжоу Тун отнесся к этому с пониманием. Не став спорить, они обсудили удобный день и договорились о встрече.

На часах было уже одиннадцать вечера, когда все детали были окончательно согласованы. Торги в главном зале давно завершились. Янь Ци вызвался лично предоставить им машину с водителем, но Чжоу Тун вежливо отказался от любезности.

На улице их встретила тихая, усыпанная редкими звездами ночь. Оранжевый свет фонарей мягко ложился на асфальт полупустой парковки.

Внезапно из темноты вырвался автомобиль. Ослепительный сноп дальнего света заставил Чжоу Туна прищуриться и прикрыть лицо ладонью. Машина с тихим шуршанием шин замерла неподалеку, и из салона плавно поднялся высокий, статный мужчина.

— Чжан Цзюньчу?! — воскликнул Толстяк Дуань и тут же, точно верный телохранитель, воинственно заступил дорогу, закрывая собой друга.

Пришелец приближался молча. В его опущенной руке что-то темнело. Вдруг он резко вскинул кисть, посылая в их сторону какой-то мелкий снаряд. Дуань Чжэн инстинктивно вжал голову в плечи и выставил локоть, но предмет, со свистом рассекая ночной воздух, пролетел мимо него и послушно лег прямо в раскрытую ладонь Чжоу Туна. Тот сжал пальцы, гася инерцию удара.

Это была обыкновенная сухая ветка. Совсем тонкая, но напитанная чужой духовной силой — силой настолько плотной, что при неудачном столкновении она могла бы нанести серьезную травму. Чжоу Тун прекрасно понимал, что бывший однокурсник прощупывает его границы, однако малодушный побег в его планы больше не входил.

Такие люди, как Чжан Цзюньчу, от холодного игнорирования лишь сильнее распалялись. Раньше Чжоу Тун попросту ленился тратить на него драгоценное время, но пассивное невмешательство явно завело наглеца слишком далеко. Сегодняшняя выходка на торгах, выставившая его напоказ перед толпой зевак, и без того изрядно утомила юношу.

Чжан Цзюньчу небрежно прислонился к дверце своего спорткара и щелкнул зажигалкой. В неверном оранжевом отблеске его красивое лицо показалось искаженным, почти хищным. Затянувшись, он выпустил струю дыма прямо в звездное небо и спросил:

— Ну и когда же ты ступил на этот путь?

— Господин Чжан, в нашем мире чтят определенный кодекс, — ровным, лишенным эмоций голосом ответил Чжоу Тун. — Честное состязание и обмен опытом приветствуются, но подлые нападения из-за угла и частные разборки строго запрещены. Полагаю, старейшины клана Чжан вбивали эти прописные истины в твою голову с самого детства.

Пальцы Чжан Цзюньчу с сигаретой дрогнули. Он замер, а затем швырнул недокуренную

сигарету на землю и наступил на нее носком дорогого туфля. На его лице больше не было вальяжной ухмылки — теперь он смотрел на Чжоу Туна с предельной, мрачной серьезностью.

Внешне его бывший сокурсник остался прежним: те же мягкие, утонченные черты лица, та же легкая усмешка в уголках губ и глубокие, чистые глаза, в которых при жизни всегда отражалось солнце.

Но внутри него что-то бесповоротно изменилось. Каков же он теперь на самом деле?

Чжан Цзюньчу жадно ловил каждое его микродвижение, боясь упустить малейшую деталь.

Толстяк Дуань окончательно потерял терпение и взорвался:

— Да хорош уже паяться, Чжан Цзюньчу! Совсем берега попутал?! Думаешь, если Сяо Тун когда-то по тебе сох, тебе теперь все с рук сойдет? Да когда ты свалил за границу, тебе на него плевать было с высокой колокольни! А сейчас приперся строить из себя оскорбленную невинность? Клоун дешевый!

— Погоди-погоди, — опешил Чжоу Тун, выставив ладонь вперед. Он с искренним недоумением воззрился на раскрасневшегося друга. — С чего ты вообще взял, что он мне когда-то нравился? Мы же с ним толком и не общались никогда.

Толстяк Дуань поперхнулся воздухом:

— Чего?..

Слегка прищурившись, Чжоу Тун попытался отыскать в закромах памяти хоть какие-то подробности их студенческой жизни.

— Ну, насколько я помню, мы просто учились на одном курсе и пару раз пересекались по делам студенческого совета. Больше мне и вспомнить-то нечего.

Чжан Цзюньчу побелел, желваки на его лице бешено заходили ходуном.

— Чжоу Тун, ты хоть соображаешь, какую чушь несешь?

— Прекрасно соображаю, — улыбнулся тот.

— Ты просто пытаешься защититься! Делаешь вид, будто тебе все равно!

— Смысл мне притворяться? — Чжоу Тун искренне удивился. — Господин Чжан, у вас слишком богатое воображение.

Мгновение юноша смотрел на Чжан Цзюньчу в упор — спокойно, вежливо и бесконечно равнодушно. В глубине его темных зрачков не было ни злости, ни затаенной обиды, ни тени былой привязанности. Там царило абсолютное, звенящее ничто.

Только теперь до Чжан Цзюньчу дошел весь ужас происходящего. Чжоу Тун действительно никогда его не любил. Все эти годы он упивался собственными иллюзиями.

Осознание этого болезненным ударом выбило воздух из легких молодого мага. Прежде чем он успел выдать хоть слово, рядом со скрипом припарковался неприметный седан бизнес-класса.

И Чжоу Тун, и Чжан Цзюньчу мгновенно напряглись, уловив волну тяжелой, чуждой энергии. Они синхронно повернулись к вновь прибывшей машине.

Дверь распахнулась, и из салона вышел крепко скроенный мужчина средних лет. Его цепкий, холодный взгляд быстро оценил обстановку, скользнув по лицам собравшихся, и замер на Чжоу Туне.

— Рад новой встрече, — дружелюбно поздоровался Чжоу Тун.

Это был тот самый представитель таинственного покупателя, который уступил нефритовый тапир Янь Ци.

— Моя фамилия Чэнь, — вежливо наклонил голову мужчина. — Чэнь Энь. Приветствую вас, господин Чжоу.

— Здравствуйте, господин Чэнь.

— Господин Чжоу, — Чэнь Энь сразу перешел к делу, не тратя времени на светские условности. — Мой работодатель предлагает вам должность личного эксперта-оценщика антиквариата в нашей инвестиционной группе. Контракт на десять лет, прямое подчинение исключительно первому лицу компании. Со своей стороны мы гарантируем элитные апартаменты в престижном районе города А, фиксированный оклад от пятидесяти тысяч в месяц и щедрые проценты со сделок. Что скажете?

Чжоу Тун многозначительно промолчал.

Толстяк Дуань тихонько присвистнул.

— Ого, — усмехнулся Чжоу Тун, покачав головой. — Не думал, что мои скромные услуги стоят так дорого.

— Это лишь малая часть того, что готов предложить вам мой босс в знак своего уважения.

— Заманчивое предложение, — вздохнул Чжоу Тун с притворным сожалением. — Однако я не могу оставить дело всей жизни, которое завещали мне предки.

Толстяк Дуань едва не закатил глаза к небу.

«Да какое, к черту, дело?! Твоя лавка на ладан дышит!» — взвыл он про себя.

В глубине глаз Чэнь Эня проскользнула едва заметная усмешка. Он повидал немало таких идеалистов — жизнь всегда быстро ломает глупую юношескую гордость и заставляет ползать на коленях в поисках куска хлеба. Настаивать он не стал. Достав из кармана дорогую визитку из тисненой бумаги, он протянул ее юноше:

— Если передумаете, господин Чжоу, мой телефон всегда включен.

— Благодарю, я подумаю, — вежливо ответил Чжоу Тун, пряча карточку.

Как только седан скрылся за поворотом, Чжан Цзюньчу ядовито процедил:

— Ты хоть понимаешь, на кого работает этот человек?

Чжоу Тун ловко завертел визитку между длинными пальцами, заставив ее скользить по ладони с изяществом карточного фокусника.

— На Чжао Цзиншаня, — спокойно ответил он.

Чжан Цзюньчу поперхнулся словами.

— Знаешь?! И при этом смеешь нос воротить?! — Он злорадно усмехнулся. — А, ну конечно. Набиваешь себе цену, строишь из себя неприступного гения. Только запомни: для парня твоего круга такое предложение — предел мечтаний. Не всем дано родиться в великом клане и обладать моими ресурсами. Тебе никогда не достичь моих высот, сколько бы ты ни кривлялся.

Не успел он закончить фразу, как Чжоу Тун плавным, ленивым движением отправил дорогую визитку прямиком в ближайшую урну.

Юноша развернулся к бывшему однокурснику. Его глаза лукаво сузились, а на губах заиграла беззаботная, обманчиво-мягкая улыбка.

— Вот как? — негромко проговорил он. — Кажется, дорогой одноклассник, ты упустил одну простую истину: происхождение ничего не значит, если у тебя самого за душой пусто.

С последним словом воздух вокруг них внезапно сгустился, превратившись в раскаленный свинец. Мощная, яростная волна невидимой энергии сокрушительным щитом обрушилась на

парковку, концентрируясь вокруг Чжан Цзюньчу. Наследник великого клана задохнулся, его легкие сдавило мертвой хваткой. Огромное, чудовищное давление прижало его к земле, сгибая пополам. Суставы жалобно хрустнули, ноги подкосились — и он, не в силах сопротивляться этой колоссальной силе, с глухим стуком рухнул на колени прямо у ног Чжоу Туна.

В сознании Чжоу Туна раздался низкий, бархатистый смех Лин Юаня:

* «Какая восхитительная дерзость»*

Юноша слегка приподнял уголок губ и мысленно отозвался:

* «Имею право. Разве нет?»*

<http://bllate.org/book/18246/1764690>